

Национальная безопасность / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Асадов Р.Б. Язык права как ресурс национальной безопасности России: концепция юрислингвистической конвергенции // Национальная безопасность / nota bene. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.5.76851 EDN: CHQCIR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76851

Язык права как ресурс национальной безопасности России: концепция юрислингвистической конвергенции

Асадов Раму Беюханович

старший преподаватель; Юридический институт; Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
главный редактор; Диалог (www.npzhdialog.ru)

600026, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Горького, д. 87

 asadov@npzhdialog.ru

[Статья из рубрики "Правовое обеспечение национальной безопасности"](#)

DOI:

10.7256/2454-0668.2025.5.76851

EDN:

CHQCIR

Дата направления статьи в редакцию:

19-11-2025

Аннотация: Предметом исследования в статье выступает юрислингвистическая конвергенция как особое направление взаимодействия языка права и национальной безопасности России. Анализируется, каким образом качество правового языка, его понятность и терминологическая согласованность влияют на состояние лингвистической и экономической безопасности, доверие к государственным институтам, а также на восприятие ключевых политico-правовых решений в обществе. В центре внимания находятся нормативные конструкции, используемые в языковой политике, регулировании образования, информационной сфере и санкционной повестке. Особое внимание уделяется тому, как правовые дефиниции соотносятся с реальными коммуникативными практиками и могут рассматриваться в качестве ресурса укрепления национальной безопасности, а не только как технический инструмент описания норм. Дополнительно предмет исследования охватывает институциональные механизмы обеспечения юрислингвистической конвергенции. Исследование основано на сочетании формально-юридического и сравнительно-правового методов с юрислингвистическим анализом языка права; используются элементы доктринального анализа, интерпретации

нормативных актов и изучения текстов, отражающих санкционную и языковую политику. Научная новизна исследования заключается в концептуализации юрислингвистической конвергенции как самостоятельного фактора национальной безопасности России и в ее разграничении с категорией лингвистической безопасности. В статье предлагается авторское понимание юрислингвистической конвергенции как процесса согласования языка права и реальных коммуникативных практик в сферах языковой политики, образования, информационной повестки и санкционной политики. Показано, что согласованность терминологии, единообразие ключевых дефиниций и учет восприятия юридических формулировок населением прямо влияют на стабильность правоприменения, доверие к государственным институтам и эффективность мер по обеспечению экономической безопасности. Дополнительную новизну составляет предложение критериев оценки степени такой конвергенции, позволяющих выявлять зоны повышенного риска в языковой и экономико-правовой сферах. Обосновано, что юрислингвистическая конвергенция должна рассматриваться как структурный элемент системы национальной безопасности.

Ключевые слова:

национальная безопасность, язык права, лингвистическая безопасность, юрислингвистическая конвергенция, языковая политика, государственный язык, санкционная политика, экономическая безопасность, лингвистическая экспертиза, правовое регулирование

Введение

В российской юридической доктрине национальная безопасность обычно определяется как состояние защищенности личности, общества и государства от угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод, устойчивое развитие и суверенитет страны [1, с. 72–73]. В последние годы в рамках этого подхода подчеркивается значимость гуманитарной составляющей: стабильность правопорядка связывается не только с экономическими и военными факторами, но и с состоянием коммуникативной среды, единообразием правового языка, качеством публичного дискурса. Языковая политика перестает быть «мягким» культурным направлением и приобретает стратегическое значение, поскольку затрагивает основы гражданской идентичности, межнациональных отношений и доверия к государственным институтам [2, с. 126–127]. Принятые в 2025 г. Основы государственной языковой политики Российской Федерации закрепляют этот поворот нормативно: в числе целей языковой политики прямо названы обеспечение национальной безопасности в языковой сфере, укрепление единства многонационального народа и общероссийской гражданской идентичности (см. Указ Президента РФ от 11 июля 2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 28. Ст. 3958.).

Категория «лингвистическая безопасность» в отечественной литературе сформировалась как междисциплинарная. Е. С. Гриценко, анализируя влияние глобализации, обращает внимание на то, что угрозы здесь проявляются в навязывании иноязычных смысловых схем, способных подрывать устойчивость национальной идентичности и легитимность власти [3, с. 9–10]. М. И. Грицко рассматривает лингвистическую безопасность через призму этнокультурного многообразия России, связывая ее с предупреждением

дискриминации по языковому признаку и поддержанием баланса между государственным и национальными языками [4, с. 63-65]. Г. Н. Трофимова, напротив, акцентирует не столько функциональные задачи, сколько методологическую проблему: в научном обороте существуют подходы, согласно которым защищается либо сам язык (от разрушения, вытеснения, упрощения), либо человек и его права посредством языка, что создает терминологическую неоднородность и затрудняет выработку стройной системы правовых категорий [5, с. 24-25]. О. И. Ястребова и О. А. Гарцуева дополняют картину социально-психологическим аспектом, предлагая понимать лингвистическую безопасность как состояние, при котором языковая среда не рождает устойчивого чувства уязвимости у носителей различных языков [6, с. 40-41]. Таким образом, уже на понятийном уровне видно, что речь идет не только о сохранении языков, но и о регулировании коммуникации в интересах прав и свобод человека.

На этом фоне закономерно усиливается интерес к тому, как право и язык взаимодействуют в институциональной плоскости. Для России как многонационального государства принципиально важно сочетать такой процесс с сохранением культурно обусловленных особенностей правового мышления и языка законодательства [7, с. 10-12]. Однако феномен юрислингвистической конвергенции как самостоятельный фактор национальной безопасности пока не получил развернутого юридико-догматического анализа. Задача настоящей статьи — предложить авторскую интерпретацию этой конвергенции, исходя из обновленных ориентиров государственной языковой политики и требований защиты национальной идентичности в условиях санкционного и информационного давления [2, с. 128-130; 8, с. 23-25].

Основная часть

1. Понятийный аппарат и место юрислингвистической конвергенции в системе национальной безопасности

Прежде чем анализировать юрислингвистическую конвергенцию, необходимо определить, как языковая проблематика вообще включается в архитектуру национальной безопасности России. В научной и официальной риторике устойчиво закрепилось представление о безопасности как о многомерной системе, включающей, помимо военных и экономических, политические, информационные и культурно-гуманитарные компоненты [9, с. 72-74]. Б. А. Жигалев и С. В. Устинкин предлагают рассматривать лингвистическую безопасность как элемент более широкой информационной безопасности, подчеркивая, что именно язык служит каналом распространения деструктивных смыслов, манипулятивных нарративов и технологий символического давления [10, с. 33-35]. В их подходе язык выступает не только объектом защиты (как национальное достояние), но и средством защиты — через формирование устойчивых ценностных ориентиров, нормативно закрепленных в образовательной и медиаполитике. Такая трактовка позволяет связать лингвистическую проблематику с общими задачами устойчивого развития и политической стабильности, но в то же время имеет тенденцию размывать собственно правовое измерение вопроса: язык фактически растворяется в информационной среде, а роль права как инструмента ее упорядочения оказывается недооцененной. В настоящей работе, напротив, предлагается исходить из того, что именно правовые механизмы — конституционные нормы о государственном языке, федеральные законы, подзаконные акты и судебная практика — задают «жесткий каркас» для обеспечения безопасности в языковой сфере, тогда как информационные и культурные меры выступают по отношению к нему вспомогательными.

Собственно «лингвистическая безопасность» при таком подходе может быть определена как состояние языковой и коммуникативной среды, при котором, во-первых, гарантируется функционирование русского языка как государственного и языка межнационального общения, во-вторых, обеспечиваются права народов России на сохранение и развитие своих языков, и, в-третьих, предотвращается использование языка как инструмента дестабилизации, разжигания вражды и подрыва доверия к государственным институтам [4, с. 66–70; 6, с. 41–42]. Н. М. Мухарянов, анализируя общественно-политические дискуссии о языковой политике, показывает, что мотивы безопасности в них проявляются в двух плоскостях: защита государства от «чужого влияния» и защита человека от дискриминации и вытеснения из значимых сфер общественной жизни [11, с. 36–38]. Тем самым лингвистическая безопасность оказывается пограничной категорией между государственно-центристским и антропоцентрическим пониманием безопасности. Ю. А. Хатмуллина и А. А. Чекмарев, исследуя русский язык как средство межнационального общения, подчеркивают, что снижение его статуса или ослабление нормативной базы его защиты неизбежно отражается на качестве коммуникаций в многонациональном обществе и, следовательно, на устойчивости федеративного устройства [12, с. 56–57]. Однако при всей важности этих выводов в большинстве работ лингвистическая безопасность описывается преимущественно через социальные эффекты, а правовой язык — язык закона, судебных актов, официальных документов — остается в тени, хотя именно он задает рамки допустимого использования языка в публичной сфере.

Юрислингвистическая конвергенция, в предлагаемом понимании, фиксирует уже не состояние, а процесс: постепенное сближение норм правовой системы и норм языковой (коммуникативной) практики, направленное на снижение рисков, связанных с неоднозначностью, манипулятивностью и фрагментацией правового дискурса. Такое сближение проявляется, по крайней мере, в трех плоскостях: во-первых, в унификации и уточнении юридической терминологии; во-вторых, в согласовании интерпретационных подходов в правоприменении; в-третьих, в адаптации правового языка к когнитивным ожиданиям адресата, т. е. к тому, как граждане фактически понимают правовые тексты [17, с. 4–8]. При этом конвергенция не сводится к простому «упрощению» юридического языка. Напротив, чрезмерное упрощение способно породить новые риски — утрату технической точности, рост числа коллизий и пробелов. Поэтому представляется целесообразным трактовать юрислингвистическую конвергенцию как поиск баланса между требованиями юридической точности и коммуникативной понятности, при котором правовая система целенаправленно выстраивает свои тексты и практики с учетом лингвистических закономерностей. В этом смысле конвергенция становится инструментальным фактором национальной безопасности: она повышает предсказуемость правоприменения, снижает вероятность конфликтов, возникающих из-за неоднозначного понимания норм, и укрепляет доверие к государству как к источнику ясных и справедливых правил.

Указанная конвергенция не может быть описана вне контекста конституционно-правового регулирования языковой сферы. Е. В. Каменская показывает, что правовая основа языковой политики в России складывается вокруг ст. 68 Конституции РФ, закрепляющей статус русского языка как государственного, а также системы федеральных законов и региональных актов, регулирующих статус языков народов России, сферу образования, средства массовой информации и культуру [13, с. 74–77]. К. Д. Корякин, анализируя конституционно-правовую практику, подчеркивает, что решения Конституционного Суда РФ по вопросам языка фактически формируют «конституционный

стандарт» языковой политики, где язык рассматривается как элемент государственного суверенитета и основы конституционного строя [14, с. 7-9]. В этом контексте обновленные Основы государственной языковой политики РФ 2025 г. выступают связующим звеном между конституционными нормами и отраслевым законодательством, задавая целевые ориентиры и принципиальные установки, в том числе в части обеспечения национальной безопасности. Именно через призму этих документов становится очевидно, что юрислингвистическая конвергенция — не только теоретическая конструкция, но и практическая задача для законодателя и правоприменителя: от того, насколько согласованно в них используются ключевые понятия («государственный язык», «родные языки народов России», «языковая дискrimинация», «информационная безопасность»), зависит эффективность всей системы регулирования.

Таким образом, различие между лингвистической безопасностью и юрислингвистической конвергенцией может быть сформулировано следующим образом. Лингвистическая безопасность характеризует состояние общества и государства в языковой сфере, фиксирует наличие или отсутствие угроз, связанных с функциями языка и правами его носителей. Юрислингвистическая конвергенция описывает механизм достижения этого состояния за счет целенаправленного изменения правового языка, его соотнесения с реальной коммуникацией и когнитивными установками адресатов норм. Если первая категория преимущественно диагностическая (она отвечает на вопрос, насколько защищена языковая среда), то вторая — инструментальная (она показывает, как право может воздействовать на языковую и дискурсивную реальность). В дальнейшем анализе именно такой ракурс позволит соотнести абстрактные требования национальной безопасности с конкретными правовыми решениями — от формулировки норм законодательства до практики их толкования судами и административными органами [10, с. 36-38; 15, с. 288-290]. Тем самым создаются предпосылки для перехода от теоретических конструкций к рассмотрению практических ситуаций, связанных, в частности, с санкционной повесткой, информационно-психологическим воздействием и реформой государственной языковой политики.

2. Правовые механизмы юрислингвистической конвергенции в языковой и санкционной политике

Правовое измерение юрислингвистической конвергенции прежде всего проявляется в том, как в законодательстве и стратегических актах формулируются цели и задачи языковой политики. Е. В. Каменская показывает, что современная российская модель строится вокруг конституционного статуса русского языка как государственного и опирается на разветвленную систему отраслевого регулирования — от законов об образовании и культуре до специальных норм о языках народов России [13, с. 74-79]. К. Д. Корякин справедливо подчеркивает роль Конституционного Суда РФ, который через свои решения формирует устойчивый стандарт толкования ст. 68 Конституции РФ, связывая статус русского языка с суверенитетом и основами конституционного строя [14, с. 7-10]. На этом фоне Основы государственной языковой политики РФ 2025 г. выполняют функцию «стыковочного механизма» между конституционными нормами и текущим регулированием: в них язык прямо увязывается с обеспечением национальной безопасности, сохранением культурной идентичности и укреплением общероссийской гражданской общности. Л. Н. Васильева, анализируя языковую политику через призму идентичности, показывает, что именно юридически закрепленные статусы языка задают «рамку» для образовательных программ, медииной политики и культурных практик, тем самым превращая правовой язык в один из ключевых инструментов гуманитарной

безопасности [8, с. 23–28]. Если обобщить эти положения, можно говорить о начавшемся, но еще не завершенном переходе от фрагментарного регулирования языковых вопросов к более целостной, институционально оформленной модели право-языкового взаимодействия.

Особое поле проявления юрислингвистической конвергенции связано с санкционной повесткой и внешнеполитическими конфликтами. Е. Ю. Рожина и И. В. Селиванова, исследуя англоязычные и немецкоязычные медиатексты о санкциях против России, показывают, что используемые в СМИ формулы (*targeted sanctions, punitive measures, pressure on the regime*) выстраивают санкционный дискурс как морально оправданное «наказание», при этом юридическая и экономическая природа соответствующих мер отступает на второй план [16, с. 152–154]. И. С. Криворучко и З. Ю. Басте обращают внимание на то, что в англоязычном санкционном дискурсе активно формируется слой неологизмов и окказиональных единиц, кодирующих ценностные установки (*sanctions fatigue, sanctions war* и др.), что усиливает эмоциональный эффект текста и способствует нормализации санкций как «обычного» инструмента международной политики [17, с. 2348–2350]. Ц. Гуань, анализируя лексико-семантическое поле термина «санкция» в русской политической сфере, демонстрирует, что в отечественном дискурсе существуют как юридическое понимание санкций (как меры ответственности или принудительного воздействия), так и политизированные, оценочные значения, зависящие от контекста международных отношений [18, с. 137–142]. Все это показывает, что без согласования юридических дефиниций с реально функционирующими дискурсами возникает опасная «раздвоенность» смысла: с точки зрения права санкции могут иметь одну природу и цели, тогда как в публичной коммуникации они осмыляются иначе, что создает почву для манипуляций и подрыва доверия к государственным решениям.

Экономическое измерение проблемы выявляется в работах, посвященных национальной экономической безопасности в условиях санкционного давления. Я. В. Васильева, исходя из анализа действующего законодательства и подзаконных актов, показывает, что правовое обеспечение экономической безопасности в нынешних условиях предполагает не только создание специальных режимов регулирования (контрсанкции, валютные и финансовые ограничения), но и своевременное уточнение базовой терминологии, включая закрепленные в актах понятия «санкции», «ограничительные меры», «недружественные государства» [8, с. 61–66]. Н. А. Ягунова, рассматривая специфику обеспечения экономической безопасности России под санкционным давлением, подчеркивает, что восприятие угроз во многом опосредуется языком: формулировки в официальных документах и публичных выступлениях задают рамку оценки рисков, влияя на поведение экономических акторов [19, с. 57–60]. В сочетании с подходами Е. Ю. Одноковой и Е. А. Зориной к пониманию национальной безопасности как состояния, зависящего от качества правового регулирования, это позволяет говорить о том, что нечеткость терминологии и расхождение между правовыми и медийными смыслами санкций сами по себе становятся отдельным фактором угрозы [9, с. 74–76]. Санкционная повестка высвечивает необходимость юрислингвистического выравнивания: без согласования понятий между правовой системой, экспертным сообществом и общественным дискурсом усилия по укреплению экономической безопасности неизбежно сталкиваются с коммуникативными барьерами.

Расхождение между правовой терминологией и культурным кодом общества — в том числе между буквой закона и устоявшимися языковыми представлениями — может

приводить к непредсказуемости правоприменения и росту конфликтного потенциала [\[20, с. 106–110\]](#). В контексте санкционной повестки это означает риск того, что одна и та же категория («санкции», «ограничительные меры», «ответные меры») будет по-разному пониматься законодателем, судами, органами исполнительной власти, бизнес-сообществом и гражданами. Лингвистическая безопасность и юрислингвистическая конвергенция оказываются тесно взаимосвязанными: первая фиксирует целевое состояние защищенности, вторая описывает механизм его достижения. Без учета языкового компонента невозможно полноценно обеспечить устойчивое развитие и эффективное функционирование институтов власти [\[10, с. 36–38; 15, с. 288–290\]](#). Отсюда вытекает авторская позиция: санкционное давление и сопровождающий его дискурс лишь обострили давно назревшую задачу — выстраивать правовое регулирование с опорой на лингвистическую компетенцию, рассматривая «юрислингвистическое измерение» не как факультативное, а как структурный элемент системы национальной безопасности России.

3. Юридический язык и языковая политика: проявления конвергенции и риски дивергенции

Юрислингвистическая конвергенция проявляется прежде всего в том, как формулируются ключевые понятия, обслуживающие языковую политику: «государственный язык», «родной язык», «языки народов России», «язык межнационального общения» и др. Е. В. Каменская показывает, что действующее регулирование фактически опирается на конституционную конструкцию ст. 68, но при этом в различных отраслях права используются близкие по смыслу, но не всегда строго согласованные формулы [\[13, с. 77–80\]](#). К. Д. Корякин обращает внимание на то, что именно Конституционный Суд РФ был вынужден выстраивать «сквозное» толкование статуса русского языка и языков народов России, увязывая их с единством правового пространства и федеративного устройства [\[14, с. 9–11\]](#). М. Е. Костюк, анализируя более ранний этап формирования российской языковой политики, констатировала, что неопределенность терминологии приводит к конкуренции моделей — от доминирования государства-языка до акцента на культурном многообразии, — причем каждая из них по-разному задает рамки допустимой дифференциации в образовании, СМИ и публичной сфере [\[2, с. 128–130\]](#). На этом фоне Л. Н. Васильева справедливо подчеркивает, что юридический язык, фиксирующий статус русского и других языков, не является нейтральным описанием: он задает иерархию идентичностей и каналов социализации, тем самым непосредственно воздействуя на параметры безопасности в многонациональном обществе [\[8, с. 29–31\]](#).

Судебная практика, прежде всего конституционная, становится важным индикатором того, насколько последовательно реализуется идея конвергенции между правовыми и лингвистическими нормами. В ряде дел Конституционный Суд РФ фактически вырабатывает «лексический стандарт» описания роли русского языка: он определяется как консолидирующий фактор, средство интеграции и элемент суверенитета, при одновременном подчеркивании недопустимости ущемления языков народов России [\[14, с. 10–12\]](#). В решениях по вопросам преподавания родных языков в общеобразовательной школе суд стремится сочетать требование владения русским как государственным языком с уважением к языковой идентичности народов РФ, причем именно выбранные словесные формулы («создание условий», «обеспечение возможностей», «право выбора») задают баланс между императивом и диспозитивностью регулирования. И. А. Савченко и С. В. Устинкин отмечают, что подобная судебная риторика фактически

выполняет стабилизирующую функцию: через единообразное употребление ключевых выражений и понятий суд снижает риск разнотолков в правоприменении на региональном уровне [15, с. 289–291]. В этом смысле конституционная юрисдикция выступает не только гарантом формального соответствия законов Конституции, но и площадкой, где вырабатывается согласованный язык описания языковой политики, что является важным элементом юрислингвистической конвергенции.

Одновременно в российской нормотворческой практике отчетливо видны и зоны юрислингвистической дивергенции. Несогласованность терминологии между различными законами и подзаконными актами — например, в обозначении категорий «язык коренных малочисленных народов», «родной язык», «язык обучения» — приводит к тому, что правоприменитель вынужден опираться не столько на текст нормы, сколько на собственные представления о ее целях и ценностных ориентирах [20, с. 112–115]. В результате увеличивается пространство усмоктрения, а вместе с ним и риск региональных и ведомственных интерпретаций, не совпадающих с общегосударственными установками языковой политики. Такая дивергенция часто имеет культурно-кодовую природу. Для национальной безопасности это означает, что даже формально выверенный с точки зрения юридической техники текст может породить конфликты, если его языковая форма не согласована с реальной коммуникативной практикой и ожиданиями различных групп населения.

Из этого вытекает важный практический вывод: обеспечение лингвистической безопасности и снижение рисков юрислингвистической дивергенции требуют институционализации лингвистической экспертизы в нормотворчестве, особенно в актах, затрагивающих языковую сферу. Н. М. Мухаряров, анализируя дискурсы о языковой политике, фактически показывает, что без учета мотивов безопасности человека — страха потери языка, чувства исключенности из доминирующего дискурса — любые формальные гарантии могут восприниматься как недостаточные [11, с. 38–40]. Включение таких психологически нагруженных компонентов в юридический текст требует особой осторожности: необходимо избегать оценочно-полемической лексики, двусмысленных метафор и неустойчивых неологизмов, которые легко становятся объектом политической манипуляции. Выработка согласованного терминологического аппарата, учитывающего как юридические, так и лингвистические критерии, должна рассматриваться не как факультативная рекомендация, а как элемент стратегического планирования устойчивого развития [10, с. 36–38]. В предлагаемой авторской интерпретации юрислингвистическая конвергенция на уровне юридического языка — это не разовая «очистка» терминологии, а постоянный процесс согласования правовых дефиниций с изменяющейся языковой реальностью, в том числе в условиях санкционного и информационного давления.

4. Юрислингвистическая конвергенция в образовании, информационной сфере и межэтническом общении

Одной из ключевых сфер, в которых непосредственно «работает» связь языка, права и безопасности, является образование. Именно здесь задаются нормативные представления о статусе русского языка и языков народов России, формируются модели двуязычия и многоязычия, а также закрепляются в сознании будущих граждан юридически значимые различия между государственным, родным и иными языками. Ю. А. Хатмуллина и А. А. Чекмарев подчеркивают, что русский язык как средство межнационального общения выполняет интеграционную функцию лишь при условии устойчивого институционального присутствия в школе и системе профессионального

образования; ослабление его позиций в учебном процессе отражается не только на уровне владения языком, но и на качестве коммуникаций между этнокультурными группами [12, с. 56–58]. Именно нормы законодательства об образовании, определяющие язык обучения и возможности изучения родных языков, становятся «точкой сборки» языковой политики: через них конституционные положения о государственном языке и правах народов превращаются в конкретные учебные планы и программы [13, с. 74–84]. М. Е. Костюк еще в конце 2000-х гг. утверждала, что неопределенность юридического языка в этой сфере создает пространство для конфликтов — от споров о статусе отдельных предметов до дискуссий о «добровольности» изучения языка [2, с. 126–130]. С точки зрения национальной безопасности образовательный дискурс тем самым оказывается полем, где юрислингвистическая конвергенция должна проявляться в максимально явном виде: не только в точных формулировках законов, но и в понятных обучающимся и их семьям разъяснениях целей языковой политики.

Информационно-медийная сфера формирует другой, но не менее значимый пласт языковой реальности, в котором правовые дефиниции конкурируют с политическими и публицистическими интерпретациями. Е. С. Гриценко, анализируя процессы глобализации, показывает, что именно медиа обеспечивают быстрый перенос внешних дискурсов в национальное информационное пространство, часто без адаптации к местным правовым и культурным контекстам [3, с. 9–11]. Б. А. Жигалев и С. В. Устинкин трактуют лингвистическую безопасность в том числе как способность государства и общества выстраивать информационную политику, минимизирующую воздействие манипулятивных текстов и «языка вражды» [10, с. 32–36]. В англо- и немецкоязычных СМИ юридические категории нередко подменяются оценочными выражениями, формирующими у аудитории устойчивые стереотипы, тогда как правовая природа мер остается в тени [16, с. 152–156]. И. С. Криворучко и З. Ю. Басте показывают, как через новые языковые единицы санкционный дискурс наполняется ценностными коннотациями, нормализующими введение ограничений [17, с. 2348–2353]. В российском контексте, по наблюдениям Ц. Гуань, термин «санкция» колеблется между юридически точным значением и политизированными употреблениями, зависящими от текущей внешнеполитической повестки [18, с. 137–151]. Отсюда вытекает важная для безопасности задача: обеспечить такое соотнесение правового и медийного языка, при котором ключевые категории внешней политики и экономической безопасности объясняются населению в юридически корректных, но при этом коммуникативно доступных формах.

Межэтническая коммуникация и повседневные языковые практики дополняют этот контур с «нижнего» уровня. М. И. Грицко предлагает рассматривать лингвистическую безопасность многонациональной России через наличие устойчивых каналов общения между этносами, основанных на уважении к языковому разнообразию и признании интегрирующей роли русского языка [4, с. 63–70]. О. И. Ястребова и О. А. Гарцуева акцентируют внимание на социально-психологическом измерении: ощущение защищенности или, напротив, уязвимости формируется не только нормативными гарантиями, но и тем, как человек ежедневно сталкивается с языком в школе, органах власти, медиа и цифровой среде [6, с. 40–44]. В обсуждении вопросов языковой политики мотивы безопасности человека и безопасности государства часто разводятся по разным «речевым жанрам»: одни участники говорят о суверенитете и целостности, другие — о страхе потерять язык как элемент идентичности [11, с. 36–40]. И. А. Савченко и С. В. Устинкин, в свою очередь, подчеркивают, что без согласования этих пунктов зрения — в

том числе на уровне используемой терминологии — трудно обеспечить устойчивое развитие и доверие к институтам власти [\[15, с. 286–291\]](#). Юрислингвистическая конвергенция здесь проявляется в попытках выработать такую систему понятий, которая одновременно отражала бы государственно-правовые приоритеты и субъективное восприятие языковой справедливости различными группами населения.

Сопоставление образовательного, медийного и межэтнического дискурсов позволяет уточнить авторскую позицию относительно содержания юрислингвистической конвергенции как фактора национальной безопасности. Речь идет не о формальной унификации терминологии ради самой унификации, а о согласовании смыслов между правовыми текстами, практикой их применения и доминирующими в обществе языковыми моделями. Разрыв между правовой терминологией и культурным кодом приводит к юрислингвистической дивергенции, чреватой конфликтами и непредсказуемым правоприменением. В то же время в его же работах подчеркивается потенциал конвергентного подхода, при котором юридический язык проектируется с учетом лингвистических и когнитивных особенностей адресата. С учетом обновленных Основ государственной языковой политики РФ, где подчеркивается связь языка с национальной безопасностью и культурной идентичностью, представляется целесообразным рассматривать юрислингвистическую конвергенцию как сквозной принцип при разработке стандартов образования, регулировании медийной среды и формировании политики в сфере межнациональных отношений. Тем самым конвергенция из абстрактной теоретической категории превращается в набор конкретных требований к качеству правового текста и к тому, как он «встраивается» в реальную языковую жизнь общества.

5. Институционализация юрислингвистической конвергенции

Необходимость институционального оформления юрислингвистической конвергенции вытекает из самой логики современных угроз национальной безопасности. Б. А. Жигалев и С. В. Устинкин, связывая лингвистическую безопасность с устойчивым развитием, фактически показывают, что речь уже не идет о разовых реакциях на отдельные конфликты, а о выстраивании долговременной системы управления языковыми рисками [\[10, с. 32–41\]](#). Е. С. Гриценко, анализируя влияние глобализации, подчеркивает, что трансграничные информационные потоки постоянно привносят в национальную повестку новые дискурсы и языковые модели, в том числе конфликтогенные [\[3, с. 9–11\]](#). На этом фоне простого декларирования связи языковой политики и безопасности, как это сделано в Основах государственной языковой политики Российской Федерации, явно недостаточно: требуется специальные процедуры и институты, обеспечивающие согласование правового и языкового уровней регулирования.

Наиболее очевидное направление институционализации — введение устойчивых форм лингвистической экспертизы проектов нормативных правовых актов, затрагивающих языковую сферу или имеющих значение для национальной безопасности. Е. В. Каменская показывает, что действующая система правового регулирования языка в России складывалась преимущественно под влиянием политико-правовых задач и региональных компромиссов, а не системной работы над качеством юридического языка [\[13, с. 74–84\]](#). Отсутствие институционально закрепленной экспертизы языка законопроектов создает дополнительный канал для появления норм с высокой конфликтогенной или манипулятивной нагрузкой, особенно в таких чувствительных областях, как языковая политика, регулирование СМИ, противодействие экстремизму и санкционное регулирование. Авторская позиция здесь состоит в том, что на уровне

законодательной техники целесообразно закрепить обязательное привлечение лингвистической экспертизы при подготовке актов, вводящих новые языковые категории или существенно меняющих существующие; при этом экспертное заключение должно оценивать не только грамматическую корректность, но и возможные семантические «разрывы» между правовой и обыденной трактовкой терминов.

Второе направление связано с разработкой и внедрением стандартов правового языка, ориентированных на достижение баланса между точностью и понятностью. Сегодня требования к языку нормативных актов в значительной степени носят технический характер и касаются, главным образом, структуры документа, правил отсылок и систематизации; при этом вопросы когнитивной доступности текста для различных групп адресатов остаются в тени. Л. Н. Васильева, анализируя языковую политику как инструмент поддержания национальной идентичности, фактически подводит к выводу, что качество правового языка — важный компонент доверия к государству: расплывчатые или двусмысленные формулировки, особенно в языковой сфере, создают впечатление произвольности и могут восприниматься как угрозы культурным правам [\[18, с. 23-36\]](#). В этой связи разработка специализированных стандартов языка права, учитывающих не только формальные требования законодательной техники, но и юрислингвистические критерии (устойчивость дефиниций, минимизация оценочной лексики, прозрачность коммуникативной структуры текста), представляется прямым вкладом в национальную безопасность.

Третье направление институционализации юрислингвистической конвергенции связано с участием лингвистов и специалистов по дискурсивному анализу в судебной деятельности и правоохранительной практике. Хотя в отечественной доктрине этот аспект чаще обсуждается в связи с делами о «языке вражды», защите чести и достоинства, противодействии экстремизму, он непосредственно связан и с вопросами национальной безопасности, поскольку затрагивает пределы допустимого использования языка в публичном пространстве [\[10, с. 32-41; 3, с. 9-11\]](#). Если суды и правоохранительные органы опираются исключительно на букву закона, игнорируя лингвистический контекст, возрастают риски произвольных квалификаций, что подрывает доверие к институтам и, в конечном счете, негативно сказывается на безопасности. Включение юрислингвистической экспертизы в стандарт судебного разбирательства по делам, затрагивающим язык как объект или средство правонарушения, представляется, таким образом, не только гарантийным механизмом защиты прав человека, но и элементом предотвращения эскалации конфликтов, в том числе межэтнических и политических.

Наконец, еще один важный уровень — подготовка кадров для государственной службы, правоприменительных органов и сферы образования. И. А. Савченко и С. В. Устинкин подчеркивают, что языковая политика и лингвистическая безопасность не могут быть реализованы исключительно силами профильных министерств; необходима включенность широкого круга акторов, от региональных администраций до образовательных организаций [\[15, с. 286-291\]](#). Это означает, что элементы юрислингвистической компетенции должны быть встроены в программы юридического и управленческого образования: будущие юристы, чиновники и педагоги должны понимать, как формулировки в нормативных актах, официальных документах, публичных выступлениях и учебных материалах соотносятся с задачами национальной и лингвистической безопасности. Основы государственной языковой политики РФ, фиксируя приоритеты поддержки русского языка и языков народов России, создают рамку для такой работы, но не подменяют собой необходимость детализированных образовательных стандартов и методических рекомендаций. В этой части авторская позиция сводится к тому, что без

системной подготовки специалистов, способных мыслить в юрислингвистических категориях, любые организационные меры по обеспечению конвергенции останутся частичными: институты будут вынуждены импровизировать, воспроизведя уже существующие языковые стереотипы, а не выстраивая согласованный правовой и коммуникативный порядок.

6. Юрислингвистическая конвергенция в условиях санкционного давления и рисков экономической безопасности

Связь юрислингвистической конвергенции с национальной экономической безопасностью особенно отчетливо проявляется на материале санкционной политики. Е. Ю. Одинокова и Е. А. Зорина подчеркивают, что современное понимание национальной безопасности включает экономический компонент, где правовые средства призваны предупреждать и нейтрализовывать риски, связанные как с внешними ограничениями, так и с внутренней уязвимостью финансовой системы [9, с. 72–78]. Стабильность экономики при санкционном давлении зависит не только от содержания специальных мер (ограничений, запретов, контрсанкций), но и от того, насколько четко они описаны в правовых актах: неясные или расплывчатые формулировки затрудняют работу бизнеса и органов власти, повышая регуляторные риски [8, с. 61–72]. Н. А. Ягунова дополняет этот вывод управленческим аспектом: закрепленные в стратегических документах и нормативных актах термины фактически конструируют образ угроз и задают модель поведения для хозяйствующих субъектов; если понятийный аппарат нестабилен, это приводит к разнотолкам и снижению предсказуемости экономической политики [19, с. 57–65].

Исследования, посвященные языковому оформлению санкционной тематики, демонстрируют, насколько сильно могут расходиться юридические формулировки и способы их представления в публичной коммуникации. Меры против России описываются преимущественно через морально-оценочные клише, такие как *punitive measures, pressure, targeted sanctions*, а юридическая квалификация соответствующих ограничений и их соотнесение с нормами международного права остаются на заднем плане [16, с. 152–156]. Формирование особого слоя лексики — неологизмов и устойчивых сочетаний, — через который санкции встраиваются в ценностные противопоставления («санкции как защита демократии» и т. п.), что способствует нормализации ограничительных мер в массовом сознании [17, с. 2348–2353]. В российской политической сфере, по наблюдениям Ц. Гуань, слово «санкция» одновременно функционирует в нескольких смысловых планах: как юридический термин (мера ответственности, специальная экономическая мера) и как элемент оценочной риторики, связанный с внешней политикой [18, с. 137–151]. Такая многослойность порождает риск того, что один и тот же знак будет по-разному интерпретироваться законодателем, правоприменителем, бизнесом и населением. Юрислингвистическая конвергенция в этом контексте означает выработку и последовательное использование согласованных дефиниций («санкции», «ограничительные меры», «специальные экономические меры», «недружественные государства» и др.), которые одинаково понимаются во всех звеньях регулирования и официальной коммуникации.

Если соотнести эти выводы с общими подходами к национальной безопасности, сформулированными Е. Ю. Одиноковой и Е. А. Зориной, становится очевидно, что санкционная повестка выполняет роль своего рода «проверки на прочность» всей системы взаимодействия права и языка [9, с. 72–78]. Эффективность правовых мер по

обеспечению экономической безопасности зависит не только от их юридической конструкции, но и от того, насколько прозрачно они объясняются адресатам — через тексты законов, подзаконных актов и официальные разъяснения. Неопределенность в формулировках стратегических документов увеличивает управленческие издержки и может восприниматься как признак несогласованности государственной политики. В условиях внешнего давления возрастает значение того, насколько последовательно и понятным языком государство формулирует свои цели и решения, поскольку от этого зависят доверие к власти и готовность общества к мобилизации [10, с. 36–38]. С учетом указанных подходов авторская позиция заключается в том, что юрислингвистическая конвергенция в санкционной и экономико-правовой плоскости должна рассматриваться как самостоятельное направление обеспечения национальной безопасности: речь идет о целенаправленном согласовании правовых понятий, управленческих установок и речевых форм их доведения до общества, а не о сугубо техническом редактировании терминологии.

Заключение

Во-первых, проведенный анализ показал, что национальная безопасность России имеет выраженное языковое измерение. Языковая политика, статус русского языка и языков народов России, качество правового языка и публичных формулировок непосредственно влияют на устойчивость политической системы, экономическую безопасность и межнациональное согласие. Закрепление связи между языком и безопасностью в Основах государственной языковой политики РФ 2025 г. институционально подтверждает, что речь идет не о вспомогательной сфере, а о стратегическом ресурсе государства. В этом контексте становится очевидно, что на уровне доктрины и практики недостаточно просто фиксировать угрозы в языковой сфере; требуется понимание механизмов, через которые право способно эти угрозы снижать.

Во-вторых, работа позволила развести по объему понятия «лингвистическая безопасность» и «юрислингвистическая конвергенция» и тем самым устраниТЬ часть терминологической неопределенности. Лингвистическая безопасность описывает состояние языковой среды, при котором обеспечивается функционирование русского языка как государственного, защищаются права народов России на свои языки и минимизируется использование языка для разжигания вражды и подрыва доверия к институтам. Юрислингвистическая конвергенция, напротив, характеризует процесс согласования правового языка и реальной практики общения: уточнение и выравнивание понятий в законодательстве, судебных актах, документах исполнительной власти, а также учет того, как эти формулировки воспринимаются гражданами. Такой подход позволяет видеть в конвергенции не абстрактную метафору, а инструмент, через который право влияет на качество коммуникации и, следовательно, на уровень безопасности.

В-третьих, исследование выявило конкретные зоны, где от степени юрислингвистической согласованности напрямую зависят риски для государства и общества. К ним относятся: конституционно-правовое закрепление статуса русского языка и языков народов России; регулирование образования, где определяются язык обучения и модели соотношения русского и родных языков; информационная и внешнеполитическая повестка, в том числе описание санкций и ответных мер; правовое обеспечение национальной экономической безопасности в условиях санкционного давления. В этих сферах расхождение между юридическими дефинициями и привычными языковыми представлениями адресатов порождает неопределенность, снижает предсказуемость

правоприменения и усиливает конфликтный потенциал.

В-четвертых, практическая значимость исследования состоит в формулировании ориентиров, которые могут быть использованы законодателем, правоприменителями и органами, ответственными за стратегическое планирование. Речь идет о: 1) институционализации лингвистической экспертизы проектов нормативных актов в чувствительных областях (языковая политика, межнациональные отношения, регулирование средств массовой информации, санкционные меры); 2) разработке стандартов языка права, учитывающих не только требования юридической техники, но и когнитивную доступность формулировок для различных групп населения; 3) расширении практики привлечения лингвистов и специалистов по анализу текстов в судебной и правоохранительной деятельности по делам, связанным с использованием языка; 4) включении юрислингвистической проблематики в программы подготовки юристов, государственных служащих и педагогов. Реализация этих мер способна повысить предсказуемость правового регулирования, укрепить доверие к государственным решениям и снизить вероятность конфликтов, связанных с языком.

В-пятых, полученные выводы позволяют уточнить саму формулу национальной безопасности России. Юрислингвистическая конвергенция в предлагаемом понимании — это не дополнительная «гуманитарная опция», а структурный компонент системы безопасности, поскольку от согласованности правового языка и общественных представлений зависят эффективность нормотворчества, устойчивость правоприменения и восприятие государственной политики в условиях внутреннего и внешнего давления. Таким образом, исследование показывает: сохранение и укрепление национальной безопасности России в XXI в. требует не только совершенствования институтов и процедур, но и внимательного отношения к тому, как эти институты «говорят» с обществом, — через нормы права, официальные формулировки и повседневные юридически значимые тексты.

Библиография

1. Одинокова Е. Ю., Зорина Е. А. Понятие национальной безопасности и правовые меры по ее обеспечению // Социология и право. 2019. № 4. С. 72-78. DOI: 10.35854/2219-6242-2019-4-72-78. EDN: YJTJOL
2. Костюк М. Е. Особенности государственной языковой политики как стратегический аспект национальной безопасности России // Социология власти. 2009. № 3. С. 126-130.
3. Гриценко Е. С. Язык и безопасность в контексте глобализации // Власть. 2011. № 11. С. 9-11. EDN: OJLQNL
4. Грицко М. И. Лингвистическая безопасность – один из факторов безопасности многонациональной России // Идеи и идеалы. 2011. Т. 1. № 3. С. 63-78. EDN: OIKRHF
5. Трофимова Г. Н. Лингвистическая безопасность: к проблеме толкования // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2012. № 1. С. 24-29. EDN: ОOOOBH
6. Ястребова О. И., Гарцуева О. А. Лингвистическая безопасность как социально-психологический феномен // Наука. Образование. Современность. 2024. № 2. С. 40-44. DOI: 10.24412/2658-7335-2024-2-21. EDN: GPBTYE
7. Асадов Р. Б. Право и язык: аксиологические и когнитивные измерения юрислингвистической конвергенции // Право и политика. 2025. № 8. С. 1-18.
8. Васильева Я. В. Правовое обеспечение национальной экономической безопасности в условиях беспрецедентного санкционного давления // Юридические исследования. 2024. № 1. С. 61-72.
9. Одинокова Е. Ю., Зорина Е. А. Понятие национальной безопасности и правовые меры

- по ее обеспечению // Социология и право. 2019. № 4. С. 72-78. DOI: 10.35854/2219-6242-2019-4-72-78. EDN: YJTJOL
10. Жигалев Б. А., Устинкин С. В. Лингвистическая безопасность как фактор обеспечения устойчивого развития Российской Федерации // Власть. 2015. № 10. С. 32-41. EDN: UMYEHR
11. Мухаряров Н. М. Мотивы безопасности человека в дискурсах о языковой политике // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2010. № 4. С. 36-40. EDN: MXSLIH
12. Хатмуллина Ю. А., Чекмарев А. А. Обеспечение лингвистической безопасности русского языка как языка межнационального общения // Национальные приоритеты России. 2018. № 2. С. 56-58. EDN: XTDMSL
13. Каменская Е. В. Языковая политика в Российской Федерации: правовое регулирование, состояние, проблемы // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 1. С. 74-84. DOI: 10.24412/1608-8794-2025-1-74-84. EDN: VODAWR
14. Корякин К. Д. Языковая политика в Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование и практика // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 3. С. 7-12. EDN: VWGAYQ
15. Савченко И. А., Устинкин С. В. Языковая политика и лингвистическая безопасность // Власть. 2020. Т. 28. № 6. С. 286-291. DOI: 10.31171/vlast.v28i6.7797. EDN: OKFKWB
16. Рожина Е. Ю., Селиванова И. В. Лингвистическое сопровождение процесса введения санкций против России и их влияния на экономику России и стран Евросоюза (на материале английских и немецких СМИ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-3. Ч. 3. С. 152-156. EDN: YHUDLJ
17. Криворучко И. С., Басте З. Ю. Ценностные ориентиры англоязычного санкционного дискурса через призму новых языковых единиц // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 17. № 7. С. 2348-2353.
18. Гуань Ц. Лексико-семантическое поле «Санкция» в русской политической сфере // Litera. 2022. № 11. С. 137-151. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.11.37500 EDN: QTIKDL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37500
19. Ягунова Н. А. Специфика обеспечения экономической безопасности России в условиях санкционного давления // Управленческое консультирование. 2024. № 5. С. 57-65. DOI: 10.22394/1726-1139-2024-5-57-65. EDN: UCXDUH
20. Асадов Р. Б. Правовая терминология и культурный код: перспективы юрислингвистической дивергенции в российском законодательстве // Право и политика. 2025. № 6. С. 106-120.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена научная статья «Язык права как ресурс национальной безопасности России: концепция юрислингвистической конвергенции» для опубликования в журнале «Национальная безопасность / nota bene». Предметом исследования в представленной статье является роль языка права как стратегического ресурса национальной безопасности России через призму авторской концепции юрислингвистической конвергенции. Название статьи точно отражает ее содержание. Автор фокусируется на анализе процессов сближения правовых и языковых норм, что

позволяет рассматривать юридический язык не только как инструмент регулирования, но и как фактор обеспечения государственного суверенитета, стабильности правопорядка и культурной идентичности. Методологическая основа исследования отличается междисциплинарным характером, сочетая методы юридического доктринального анализа, лингвистического исследования текстов и элементы дискурс-анализа. Автор использует системный подход для интеграции правовых и лингвистических категорий, что позволяет выявить взаимосвязи между качеством юридического языка и параметрами национальной безопасности. Особую ценность представляет анализ судебной практики Конституционного Суда РФ и нормативных актов, включая недавно принятые Основы государственной языковой политики РФ 2025 года. Методологическая строгость проявляется в четком разграничении понятий «лингвистическая безопасность» и «юрислингвистическая конвергенция», что способствует терминологической ясности. Актуальность темы исследования не вызывает сомнений. В условиях санкционного давления и информационного противоборства язык права становится ключевым инструментом защиты национальных интересов. Принятие Основ государственной языковой политики РФ в 2025 году подтверждает стратегический характер данной проблематики. Как отмечают современные исследователи, такие как Е. Галышина, В. Никишин, К. Богатырев современные угрозы коммуникации в том числе в интернет-среде требуют разработки эффективных мер противодействия им с использованием специальных юридико-лингвистических знаний (Галышина, Е. Концептуализация противодействия информационным угрозам в интернет-среде с использованием специальных юридико-лингвистических знаний (реферативный обзор) / Е. Галышина, В. Никишин, К. Богатырев // Юрислингвистика. – 2022. – № 26(37). – С. 96-101. – DOI 10.14258/leglinleglin(2022)2616). Автор представленной на исследование работы актуализировал эти угрозы в условиях внешнего давления, когда именно четкость правовых дефиниций и их единообразное понимание становятся фактором экономической и гуманитарной безопасности. Поэтому, работа отвечает на вызовы, связанные с необходимостью сохранения суверенитета правового дискурса в глобализирующемся мире. Научная новизна статьи проявляется в следующем. Впервые в отечественной науке предложена развернутая концепция юрислингвистической конвергенции как процесса целенаправленного согласования правовых и языковых норм для снижения рисков национальной безопасности. Введено и теоретически обосновано разграничение между «лингвистической безопасностью» как состоянием защищенности и «юрислингвистической конвергенцией» как механизмом ее достижения. Выявлены конкретные зоны риска, связанные с терминологической рассогласованностью в сферах образования, медиа и межэтнической коммуникации, и предложены механизмы их минимизации. Разработаны практические рекомендации по институционализации юрислингвистической экспертизы и стандартизации правового языка. Стиль, структура, содержание полностью соответствуют предъявляемым требованиям к данного рода научным исследованиям. Статья отличается четкой структурой, логической последовательностью изложения и глубиной проработки материала. Стиль соответствует требованиям академического письма, терминология используется последовательно и обоснованно. Текст разделен на тематические блоки, каждый из которых раскрывает определенный аспект проблемы. Отмечается высокий уровень владения материалом и способность автора интегрировать знания из разных дисциплин. Статья соответствует правилам русского языка, стилистические и грамматические ошибки отсутствуют. Список литературы релевантен теме исследования и отражает современное состояние исследований в области юридической лингвистики и национальной безопасности. Из 20 источников значительная часть – это работы 2022-2025 годов, включая статьи в журналах, индексируемых в РИНЦ, с указанием DOI и EDN

(например, Ястребова О.И., Гарцуева О.А., 2024; Асадов Р.Б., 2025; Каменская Е.В., 2025). Имеются ссылки на актуальные нормативные акты, включая Указ Президента РФ от 11 июля 2025 г. № 474. Библиография демонстрирует знакомство автора с последними достижениями в данной области. Апелляция к возможным оппонентам в тексте присутствует. Автор учитывает позиции возможных оппонентов, указывая на существующие в науке разнотечения в понимании лингвистической безопасности. В частности, он полемизирует с подходом, при котором язык растворяется в информационной безопасности, и обоснованно отстаивает необходимость выделения самостоятельного юридико-лингвистического измерения национальной безопасности. В дискуссии может быть поставлен под сомнение практический потенциал предлагаемых мер, однако автор аргументированно показывает пути их институционализации. Выводы статьи логически вытекают из проведенного анализа и имеют значительную теоретическую и практическую ценность. Работа представляет интерес для широкого круга читателей: юристов-теоретиков и практиков, лингвистов, политологов, специалистов в области государственного управления и национальной безопасности. Предложенные автором рекомендации могут быть использованы в нормотворческой деятельности, судебной практике и образовательных программах. Таким образом, статья «Язык права как ресурс национальной безопасности России: концепция юрислингвистической конвергенции» представляет собой оригинальное, актуальное и методологически выверенное научное исследование. Работа полностью соответствует критериям, предъявляемым к публикациям в журналах, входящих в Перечень ВАК. Научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования не вызывают сомнений. Статья рекомендуется к опубликованию в представленном виде.